

СТАРАЯ
ПРОФЕССИЯ

смотря на такое спортивное сравнение, я небольшой поклонник спорта. Просто в других областях человеческой деятельности сейчас немодна агрессивность. А в спорте это само собой разумеется — выкладывайся на

диз — помните старую поговорку «Жизнь — трагедия для тех, кто чувствует, и комедия для тех, кто думает»?

— Вы производите впечатление исключительно уверенного в себе человека. Что позволяет вам раскручивать стомиллионные проекты — ведь это безумный риск?

— Необходимость вызова. Сама работа над спецэффектами — исключительно скучное занятие. Приходится заниматься мелочами. То, что вам кажется неожиданным и спонтанным, на самом деле планировалось и просчитывалось за год до осуществления — как военная кампания. Поэтому удовлетворение от работы можно получить, если каждый раз ставить себе задачу более сложную, чем в предыдущий раз, а потом решать ее до изнеможения, выкладываясь на все сто. Это как болезнь. В основном кино занимаются немногие сдвинутые люди.

— Достаточно ли вы уверены в себе, чтобы пережить поражение?

— Знаете что? Думаю, больше я не боюсь поражений — по крайней мере, не сильнее, чем когда я делал свой первый фильм. «Терминатор» был критической точкой в моей карьере, я тогда просто не знал, могу быть режиссером или нет. А сейчас, что бы ни случилось, я знаю, что умею делать настоящие фильмы. Впрочем, об этом лучше не задумываться, иначе возникает оборонительный строй мыслей. А съемки — это война, которую приходится вести на многих фронтах. Снимаешь, тут же монтируешь, не успеешь разобратся с одной натурой, как возникает аварийная ситуация на другой. Чтобы с этим справиться, нужен наступательный

ощущение, что это мое чадо: я создал первого «Терминатора».

— Когда вы решили, что плохой Терминатор превратится в хорошего?

— Еще в 1985 году. По крайней мере, на уровне идеи. Потом многие говорили, что, став суперзвездой, Арнольд захотел быть политически корректным, но, уверяю вас, нас мало волновал этот аспект!

— Но «Т2» — акт политической корректности и с вашей стороны?

— Я одновременно писал сценарий «Точки разрыва», изучал книги по дзен-буддизму и размышлял о восточном и западном подходе к боевым искусствам. Жидкий Терминатор, с которым сражается Арнольд, страшен своей пластичностью. Чем больше сила, пытающаяся его сокрушить, тем менее она эффективна. Это концепция школы айкидо. Кого Арнольд не может победить? Того, против кого нельзя применить силу. Обычно он побеждает мощью бицепсов, а если не получается, использует какую-нибудь технику. Западный подход. А здесь это не срабатывает. И ему приходится включать мозги.

— А когда вы готовили первого «Терминатора», у него не было желания играть хорошего парня, который спасает героиню?

— Такие идеи были, но они исходили не от меня и не от него. На первую встречу я шел с намерением решить эту проблему просто и эффективно — поскандальить с Арнольдом, а потом заявить, что не могу с ним работать. Но самое удивительное: мы сразу нашли общий язык с этим чертовски забавным парнем, которому понравился сценарий. Он не особенно стре-

По-вашему, причина та же, что и у «Последнего киногероя» — желание прессы отыгаться на предыдущих успехах?

— Наверное. «Терминатор» был открытием. «Чужие» — прославлением. «Бездна» — отступлением. «Т2» — прощением. Так что теперь я не знаю, какая краска будет следующей в этом спектре. Но порой пресса смыкает ряды так, что становится страшно. Идеальный пример: первый человек, написавший рецензию на «Бездну», Питер Трэверс, преподнес фильм, как второе пришествие Христа. Лучший фильм всех времен и народов! Потом его смотрят другие в ожидании чего-то эдакого, чего еще никогда не было и, естественно, разочаровываются. Потом начинаются разговоры о перерасходе сметы, тема подхватывается, начинается откат, в результате — много плохих рецензий. А шесть месяцев спустя Трэверс пишет ежегодное обозрение и даже не упоминает о том, что есть такой фильм «Бездна». Я не хочу показывать на него пальцем, он не одинок.

— Вам когда-нибудь хотелось снять фильм про динозавров?

— Самое забавное, что приблизительно год назад я сказал Тому Поллоку: «Первый, кто сделает кино про динозавров на основе современной компьютерной графики и аниматроники, соберет все деньги в сезоне». Именно так — «все деньги». Если, конечно, у родителей хватит денег. Так и случилось. Меня

ДИТЯ

поразило и восхитило визуальное совершенство многих сцен.

— Такие фильмы теперь снимают только два режиссера — вы и Спилберг. Вы стоите отдельно от всех остальных.

— Нет, я бы сказал так — Спилберг стоит отдельно от всех нас. Он наверху, а мы пониже. И это нормально. В любом деле должен быть рыцарь без страха и упрека.

— Это высокая похвала. Вы знакомы со Спилбергом? И считаете ли его своим соперником?

— Мы знакомы. Мы сотрудничаем с одними и теми же людьми в области спецэффектов. У нас был разговор о компьютерных эффектах — мол, они очень дорого стоят, нужно искать пути уменьшения стоимости фильмов, необходимо форсировать разработки дигитальных технологий, которые позволят перейти к новой стадии компьютерной анимации, он даже предложил открыть совместную фирму по разработке спецэффектов. Я решил — неплохая идея, уж я-то обязательно открою такую фирму. И открыл. (Смех). Я большой поклонник Спилберга. Его фильмы вдохновили меня стать режиссером. К тому времени, как я начал строить модельки звездолетов для Кормана, у Спилберга уже были сделаны «Тесные контакты третьей степени», «Челюсти», «Дуэль».

— «Список Шиндлера» стал важным фильмом с внутренним посланием. Вы назвали когда-то свой «Т2» «жестоким фильмом о необходимости мира во всем мире». Значит, для вас это тоже был фильм с внутренним посланием. Может быть, вы когда-нибудь сделаете свой «Список Шиндлера»?

— Это гениальный фильм. Наверное, невозможно быть евреем и не нести в себе бремени трагедии еврейского народа. Даже, если Холокост не затронул тебя непосредственно. И если человек становится богатым, знаменитым, влиятельным в мире шоу-бизнеса, ему будет почти стыдно, что он не сделал фильма вроде «Шиндлера». Наверное, хорошо, что Спилберг так

долго откладывал этот проект. Это фильм-искупление.

— Но что касается ваших фильмов...

— До сих пор я снимал развлекательные фильмы, и если в них и есть послания, то не прямые. Мне многое хотелось бы сказать о современной технологии, ядерной войне, генетике, окружающей среде, океане, но я не увлекался и не увлекаюсь политикой и вытекающими из нее играми. Мне хотелось бы снять фильм об океане, показать, насколько ошеломляющим может быть это чудо. Несколькими годами назад я начал писать сценарий фильма о Хиросиме, так что, может быть, я когда-нибудь сниму кино, которое никто не захочет смотреть.

— По-вашему, сейчас угроза ядерной войны стала более скрытой?

— Именно. В хорошем триллере опасность приходит в неожиданный момент и с той стороны, откуда никто не ожидает. А лучший триллер в мире сама жизнь. Сейчас все повторяют: «Накопец-то все позади». Вместе с тем, насколько я знаю, ни мы, ни русские не собираются полностью разоружиться. В России люди голодают, политический хаос, мусульманские державы пытаются создать атомную бомбу. И это называется — все позади?

— Вы собирались снимать фильм «Переполненная комната» — малобюджетную драму о маньяке-насильнике, у которого было несколько личностей.

— Да, был готов сценарий, на главную роль пригласили Джона Кьюсана, но потом исполнительный продюсер повел себя непрофессионально, и мы расстались. Фильм основывался на реальных фактах, и человек, историю которого мы хотели рассказать, принимал участие в проекте. Он очень хотел, чтобы его история появилась на экране, и когда проект закрыли, он подал на нас в суд. Может быть, если бы он этого не сделал, я возобновил бы проект с другим продюсером, но после этого мне уже не хотелось снимать о нем фильм.

— На вас произвели впечатление какие-нибудь недавние режиссерские дебюты?

— Пожалуй, «Танцы с волками». Ошеломляющий фильм. Теперь Костнер может спокойно помереть — он обессмертил свое имя. Но мне бы хотелось, чтобы он снимал и дальше.

— Вас почти никогда не видно на голливудских тусовках.

— Мне приходится выходить под свет прожекторов на пару недель раз в два года, во время премьеры очередного фильма. Все остальное время можно при желании избежать этой суety. Я никогда никому не рассказываю о своей личной жизни. Актеры вынуждены это делать, я думаю, у них вообще нет личной жизни. Их эмоции, их характеры, их личности препарируются на экране, и зрители хотят знать о них все. Актеры принимают эти условия игры с распростертыми объятиями. Я этого не понимаю.

— Ну раз о личной жизни нельзя, расскажите о вашем новом проекте. Уже сообщалось, что «Человек-паук» будет снят по мотивам классических комиксов.

— На самом деле может получиться глубоко философский фильм. Я не шучу. Я сам писал сценарий и мне кажется, в нем больше размышлений о морали человеческих взаимоотношений, чем в предыдущих моих фильмах. Смятение подростка, когда в 17 лет человек вдруг оказывается всемогущим, но никому не верит и не понимает, где хорошее, а где плохое — это мучительное состояние. Что получится? Не знаю. Возможно, «Последнее искушение Питера Паркера».

Перевела с английского
Елена ТЕЛИНГАТЕР.

ДЖЕЙМС КЭМЕРОН — НЕНОРМАЛЬНОЕ

Бросив технический колледж, он стал работать шофером грузовика, а по ночам писал сценарии. Потом вошел в мир шоу-бизнеса через заднюю дверь — стал рисовать плакаты к фильмам класса «Б». Затем перешел в отдел спецэффектов независимой киностудии «Нью Уорлд Пикчерз», руководителем которой был «король второсортных фильмов» Роджер Корман. Несколько лет новичок строил модели космических кораблей, в 1982 доснял за кого-то ужастик «Пирания-2», а ровно десять лет назад выпел его первый самостоятельный фильм — «Терминатор».

На сегодня Джеймс Кэмерон считается мэтром жанра фантастического триллера. Помимо двух «Терминаторов», на его счету фильмы «Чужие», «Бездна» и вышедший текущим летом боевик «Правдивая ложь», который уже собрал в прокате 100 миллионов долларов.

Хотя в области спецэффектов Кэмерон считается первопроходцем, о человеческом содержании его фильмов до сих пор говорилось мало. Корреспондент американского журнала «МУВИЛАНД» Джошуа Муни пытается восполнить этот пробел в интервью, которое Кэмерон дал ему накануне премьеры «Правдивой лжи».

— Говорят, что ребята из вашей съемочной группы носят футболки с девизом: «Меня не испугать. Я работаю у Джеймса Кэмерона».

— Я этих нарядов не заказывал. Но если им нравится — пусть носят.

— С вами действительно страшно работать?

— Люди знают, что я очень требователен к себе самому. Не менее требователен и к остальным. На мой взгляд, съемочная группа — все равно что футбольная команда, которая хочет завоевать Суперкубок. Но нес-

полную катушку, иначе вылетит из команды.

— В таких дорогостоящих постановках, как ваши, допускать ошибки слишком опасно.

— Верно. И я плачу людям столько, чтобы они чувствовали себя лучшими. Но и требую как с лучших. Конечно, популярности это не прибавляет. Я уже знаю, что к концу работы над фильмом половина съемочной группы считает меня полным засранцем, а половина, уже миновавшая эту стадию, считает меня засранцем с идеями в голове.

— «Правдивая ложь» — ваш первый фильм, в котором нет изощренных компьютерных эффектов, нет фантастических элементов. Это боевик-комедия?

— Я не стал бы называть фильм комедией, хотя в нем много смешного. Это не такой сложный фильм, как «Т2» в отношении спецэффектов, но зато на других уровнях, например, человеческих отношениях, он гораздо изощреннее. Конечно, в нем нет такого кадра, как в «Т2», когда клетчатый линолеум превращается в человека. «Правдивая ложь» — попытка поделить со зрителем культурными фантазиями 60-х годов, когда шпиономания была модной и актуальной. В детстве я любил приключения Джеймса Бонда.

— Вы сознательно приняли решение снимать фильм, меньший по масштабам, чем «Т2»?

— Нет. Когда мы с Арнольдом сели обговаривать новую работу, то решили: «Это будет супербоевик. Мы хотим, чтобы нас сравнивали с джеймсовскими фильмами, и должны выйти на их уровень». Я лично называю эту ленту «домашним эпосом». Главное — противопоставление героя на работе и дома, и в конечном итоге фильм про то, что мы не знаем друг друга. И вместе с тем это коме-

строй мыслей.

— Значит, вас не смутило, что «Последний киногерой», предыдущий фильм со Шварценеггером провалился?

— Вначале я немного нервничал. Потом решил, что основная причина провала — то, что фильм высмеивал фанатов, любителей боевиков, а они-то и были аудиторией «Последнего киногероя».

— Но критики тоже разнесли фильм в пух и прах.

— Во-первых, я с ними не согласен. Вы должны иметь в виду, что у прессы давно зрело подспудное желание укоротить Арнольда, и вот, когда оно вышло до конца, уже не имело значения, что за фильм он сделал, хоть шедевр, его все равно бы смешили с грязью. Он остыл — и результат был ужасным. Слава Богу, не я снимал этот фильм — хотя «Последний киногерой» вовсе не плохой кино. Жизнь подобна маятнику. Вперед — назад. Прилив — отлив. Арнольд давно качается на этих волнах. После неудачи «Последнего киногероя» он хотел больше действия, меньше юмора, а для меня «Правдивая ложь» была интересна в основном как комедия. Сам по себе боевик скучен, если действие не вписано в контекст. Поэтому я сказал — нет, в фильме будет много шуток.

— В Голливуде не так уж много людей, которые могут сказать Шварценеггеру «нет».

— Я никогда ему не приказываю. Мы просто обсуждаем. Думаю, что в этом фильме мы были равноправными партнерами. Когда снимался «Терминатор», он был новичком, только учился быть актером, а я все-таки был режиссером, пусть и дебютантом. Тогда он слушался моих указаний. Но ко времени «Т2» он уже стал суперзвездой, самым высокооплачиваемым актером в мире, хотя у меня было